Аминева В. Р.

СИНТЕТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX В. И В ТАТАРСКОЙ ПРОЗЕ XX В.: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/2.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 10-12. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

оттенка значения у Д-прич. не вызывает затруднений в тех случаях, когда в состав детерминанта входят словоформы, называющие осознанную, преднамеренную деятельность субъекта: **из выгоды, из экономии, из корысти, из удобства.** Сложнее квалифицировать дополнительное значение в тех случаях, когда в состав детерминанта входят словоформы: **из осторожности, из вежливости, из благодарности, из уважения, из деликатности** и т. п. Они чаще способны вызывать внутреннюю, иногда не мотивированную, а вообще свойственную человеку как личности причину поведения по отношению к окружающей действительности. Если субъект осознает эту причину как необходимое, целенаправленное действие в рамках определенной ситуации, детерминант приобретает дополнительный целевой оттенок значения: Он уже засыпал и держался только *из вежливости и гостеприимства* (причина + цель) (Ю. Герман); *По недомыслию* (причина) или *по злому умыслу* (причина + цель) вы не донесли, что ваша соседка встречается здесь с врагами (К. Булычев).

Семантика детерминантов с доминирующим значением причины может осложняться значением **уступки** в тех случаях, когда следствие, заключенное в недетерминантной части высказывания, не полностью соответствует ожидаемому результату или частично противоречит ему. В любом случае лексическое наполнение детерминанта связано с существительными, обозначающими психо-эмоциональное состояние субъекта: Бывает, что *от радости* люди плачут (Ю. Герман).

Таковы условия возникновения синкретизма семантики обстоятельственных детерминантов с доминирующим значением причины и особенности функционирования данных членов предложения.

Список использованной литературы

1. **Евтюхин В. Б.** Категория обусловленности. - СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997.
2. **Камынина А. А.** Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
3. **Хааг Эрика-Оксана.** Лингвистическая интерпретация причинных отношений // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс. – М., 2001.
4. **Штыкало Н. И.** Семантические признаки обстоятельства причины в русском языке // НДВШ «Филологические науки». - 1968. – N 4.

СИНТЕТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX В. И В ТАТАРСКОЙ ПРОЗЕ XX В.: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аминева В. Р.
Казанский государственный университет

В системе психологизма русских и татарских писателей обозначенного периода особое место занимают обобщенные обозначения эмоций. Это слова не однопланово-понятийные, а «суммарные», заключающие в себе большие смысловые резервы и актуализирующие опыт, исходящий из глубин эмоциональной жизни человека.

Через многие произведения татарских писателей начала XX в. проходит мотив грусти, печали, тоски («сагыш», «эч пошу») - душевного состояния, порожденного противоречиями между идеальными устремлениями человека и его конкретной жизненной практикой, конфликтом между желанием и его исполнением. Так, в повести Ф.Амирхана «Хаят» (1911) смысловая наполненность мотива раскрывается через оппозицию «устремленности / замкнутости». Тоска Хаят - результат соприкосновения с внешними, неподвластными человеку силами жизни, тайнами мира и души. В этом душевном состоянии - и метафизическая неудовлетворенность отсутствием высшего смысла в своем существовании, и стремление к идеалу какого-то иного бытия, и чувство беспредельности скрытых и глубинных стихий, борющихся в человеке и мироздании, и предчувствие чего-то неизвестного, чуждого и враждебного человеку, и ужас перед конечностью и бренностью его земной жизни.

В рассказе Г. Рахима «Эч пошканда» («Когда грустно», 1913) расчленению и детализации писатель предпочитает суммарно обобщающее изображение психологического состояния, обозначаемого как «эч пошa» (грусть, печаль). Художественная установка на воссоздание полноты и целостности переживания предполагает образование единого лирического потока, в основе которого - взаимодействие нескольких микротем и соответствующих им ритмических моделей. Отвлеченное эмоциональное понятие, вынесенное в заголовок, получает в рассказе образно-конкретное определение.

Основным способом раскрытия душевного состояния героя становится организация смысловых антитез из самых различных рядов концептуализации действительности: прошлое - настоящее, мечта - реальность, человек - природа, объективная логика миропорядка - личная воля человека, речь - безмолвие и др. Безрадостному настоящему, которое враждебно человеку, заставляет его страдать, несет потери и разочарования, противопоставляется прошлое. Оно далеко и безвозвратно, но кажется прекрасным. Гармония сменяется безысходным жизненным разладом, внутреннее единство и согласие - непониманием, чувством непреодолимой разъединенности.

Конфликт героя с действительностью протекает в форме активного неприятия тех законов, по которым складывается жизнь. Негативная эмоциональная оценка выражается в гневной инвективе, которая проясняет личностный характер обличений героя. Сгущено-драматическая, взвинченная, напряженная эмоциональность переводит социальную коллизию на уровень экзистенциального противостояния героя миру. Эту же

функцию выполняют и пейзажные зарисовки: «переключают» социальный конфликт в абстрактно-философский план. Социальный пессимизм оборачивается «космическим».

Обрисовать настроение героя помогают музыкальные средства выразительности: семантические повторы, мотивные оппозиции, параллелизмы, восклицания и др. Ключевое значение в смысловой структуре «художественных понятий» произведения имеют слова, передающие многообразные оттенки одного и того же психологического состояния и служащие средством эмоционального усиления. Повторяясь, взаимодополняя и уточняя друг друга, они подчиняют речь повествователя присущим лирике законам смысловой динамики. Данные слова, выделяемые как темы, существуют в оболочке общих эмоциональных обертонов и аккумулируют в себе смысловую энергию текста. Переплавляя материал реальной действительности в лирическую экспрессию, эта стилевая стихия впечатляет своей эмоциональной напряженностью. В этом же ряду - и широкое использование вопросительных и восклицательных конструкций, преодолевающих, как известно, логический характер утверждающего синтаксиса и имеющих по преимуществу эмоциональное звучание.

Художественно-эстетическая система татарских прозаиков свидетельствует о стремлении типизировать духовно-психологические процессы, используя пластический метод их презентации. Моментам душевных потрясений, предельной интенсивности переживаний соответствует физически наглядное изображение - «оцепенение», «окаменение» героя, его «застывание». Феноменология «окаменения» в татарской литературе обширна. Оно может быть выражением эстетического наслаждения, когда человек чувствует себя причастным к другим формам бытия. Такое воздействие оказывает музыка на героев романа Г.Ибрагимова «Молодые сердца» (1912). Героя романа Зыю музыка поднимает над обыденностью, ставит в непосредственные отношения с глубинными, словесно невыразимыми потоками внутренней жизни, воспринимается как знак соприкосновения с чем-то высшим, сокровенным, тайным. Внутренний мир музыканта «отзывается» во внутреннем мире воспринимающего, вызывая высокие и трагические переживания.

Неподвижность, «оцепенение» вызывает и эстетическое воздействие красоты. В романе Г. Исхаки «Нищенка» (1914) подобной магической силой, стихийно устанавливающей иную, чем в обычной жизни, меру вещей, обладает красота Сагадат. Когда она пришла в дом казанских баев, присутствующие там гости были потрясены молодостью, красотой, цветущим видом героини. Р. К. Ганиева рассматривает данный эпизод как оригинальную интерпретацию Г. Исхаки распространенного в ренессансных литературах приема экстазов [Ганиева 2002: 72-73].

«Окаменение» - способ объективации переживаний героя в особо значимые моменты его духовной жизни. Герои застывают на месте в минуты душевного потрясения, предельного психологического напряжения, часто страдания. В сцене размолвки с Габдуллой в состояние «оцепенения» героиню приводят одновременно нахлынувшие эмоции. Это и замешательство, и растерянность, и обида на Габдуллу. Интенсивность переживаний запечатлена во внешних, физически зримых проявлениях. В подобное же состояние ввергают Габдуллу чувства вины и стыда. Неконтролируемые героем физиологические реакции его тела свидетельствуют о пробуждении комплекса чувств и эмоций, которые являются признаком духовности в человеке и противостоят неудержимому напору биолого-эгоистических стимулов.

Принципы построения художественного образа в произведениях татарских прозаиков рассматриваемого периода обусловлены характерным для арабо-мусульманской культуры в целом типом соотношения формы и содержания. Онтологические, гносеологические и эстетические основы бытия здесь отражают категории «явного - скрытого», «основы - ветви», «смысла - выговоренности». Утверждается равнозначность и равноценность образующих оппозиции понятий, взаимно-однозначные соответствия, взаимопереходы их друг в друга [Шукуров 1989: 252-267]. Методы внешнего выражения психологии человека призваны направлять рецептивную активность читателя, вовлекать его в область восприятия скрытого смысла - особых состояний, переживаемых человеком.

Обобщенно-символические формы отражения отдельных душевных состояний, широко используемые татарскими прозаиками, коррелируют с принципами и приемами психологизма ряда русских писателей (И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого в 70-х гг., Ф. М. Достоевского и др.). Но истоки синтетических методов психологического изображения в русской и татарской литературах различны. В творчестве русских писателей они восходят к романтической концепции личности как загадочной, таинственной и непостижимой в своей субстанциальной основе. Тезис о невыразимости души человеческой словом был заявлен еще В. А. Жуковским. Концепцию искусства как процесса познания тайны невыразимого унаследовал от В. А. Жуковского И. С. Тургенев. Г. Б. Курляндская, исследовавшая эстетические взгляды писателя, доказывает, что он выступал убежденным противником аналитического подхода к человеческой личности, считая глубинную ее сущность «рационально непостижимой и потому не подлежащей разложению на мельчайшие неделимые частицы» [Курляндская 1994: 229]. Тургенев пытается выразить смутные, неясные душевные движения, едва заметные переливы чувства, сложные, противоречивые явления духовной жизни при помощи намека, символического жеста, недоговоренного слова, срывающегося в молчание.

Целостное, синтетическое воспроизведение внутреннего мира героя - характерная черта чеховского психологизма: «он не детализирует внутренний мир героев, т. е. не стремится последовательно описать и разъяснить *каждое* душевное движение, *каждый* элемент внутренней жизни. Чехов старается найти и художественно воссоздать *основу*, *доминанту* внутренней жизни героя, передать ведущий эмоциональный тон, психологический настрой персонажа» [Есин 1988: 165]. Эту особенность поэтики Чехова исследователи объясняют выбором особого типа героя для изображения и своеобразным подходом писателя к нему. Чехов

продолжает пушкинскую традицию «точности и краткости» в обрисовке психологии человека и стремится к равновесию и гармонии - высшему выражению красоты, отвечающему «чувству соразмерности и сообразности».

В некоторых рассказах Чехова чувство героя выносится в заглавие («Тоска», «Любовь», «Страх», «О любви») и раскрывается различными способами. Словесно обозначая психологическое состояние, во власти которого находится герой, писатель дает его внешнее, пластическое выражение, т. н. физический эквивалент. Например, чувство безмерного отцовского горя, которое мучает извозчика Иону Потапова («Тоска», 1886), передается через подробности внешнего вида, жесты, позу, за которыми угадывается безысходная душевная боль. Как и Тургенев, Чехов использует обобщенное психологическое описание, прием параллелизма, обнаруживая в жизни природы скрытые соответствия событиям, происходящим в жизни людей, соотносит с явлениями природы, нередко приобретающими статус ценностных категорий, нравственно-психологические драмы, переживаемые героями, их душевные движения, осуществляет углубление в психологию персонажа, придавая словам переносно-метафорическое значение.

Итак, в сфере обобщенных психологических характеристик, к которым обращаются писатели в целях воспроизведения как устойчивого, статичного в эмоциональном мире героев, так и внутренней динамики, текучести душевной жизни, может быть установлен диалогический контакт между текстами, принадлежащими разным национальным литературам. В «точке» этого контакта рождается смысл, который требует не формально-логической и содержательной трактовок, актуализирующих его внутреннюю неоднородность, но функционального толкования, раскрывающего его роль в формировании сходной для сопоставляемых текстов целеустановки. В произведениях русских и татарских писателей обнаруживается общая, интегрирующая их тенденция, - активизация стилистических показателей, соответствующих лирическому роду литературы. К ним относятся несущая в себе стихию субъективности эмоциональная экспрессивность речи, ее темповая и ритмическая организация, разнообразные формы субъективированного повествования.

Список использованной литературы

1. **Ганиева Р.** Татарская литература: традиции, взаимосвязи / Р. Ганиева. - Казань: Изд-во КГУ, 2002. - 272 с.
2. **Есин А. Б.** Психологизм русской классической литературы: Кн. для учителя / А. Б. Есин. - М.: Просвещение, 1988. - 176 с.
3. **Курляндская Г. Б.** Эстетический мир И. С. Тургенева / Г. Б. Курляндская. - Орел: Изд-во вещательной государственной телерадиокомпании, 1994. - 344 с.
4. **Шукуров Ш.** Об изображении пророка Мухаммада и проблеме сокрытия Лика в средневековой культуре ислама / Ш. Шукуров // Суфизм в контексте мусульманской культуры. - М., 1989. - С. 252-267.

PRAGMATIC COMPONENTS OF TEXT IN TEACHING WRITTEN TRANSLATION

Andreeva O. V.
Tomsk Polytechnic University

Teaching written translation has existed for thousand years. In spite of this fact the methodology of teaching translating is still in its infancy. Teaching translation by translating is the longest and less effective way to get the necessary skills. The approach which deals with translation mainly as a search for lexical and grammatical equivalents in two languages may explain why learners are often unable to understand and reproduce the discourse as a whole despite the wealth of grammatical and lexical equivalents they have accumulated. The meaning of a sentence or a text is not composed of the sum of the meanings of the individual lexical items.

The key to successful language learning lies not in accumulating language items but in understanding how information is processed to convey a particular message. The various communicative purposes that language serves determine different types of discourse. The translation method must make the learner aware that certain communicative purposes obey underlying rules of universal nature and that the way these are marked varies from one language to another.

The view that underlines our work is of translation as communicative process which takes place within a social context. This process involves the negotiation of meaning between producers and receivers of text. This is based on a new approach to translation studies which means shifting away from the incidental incompatibilities among languages toward the communicative factors represented in three dimensions of context: communicative, pragmatic and semiotic. These three dimensions are expressed through text structure. In order to reconstruct them the translator has to analyze the source text.

To reconstruct pragmatic aspects of the text it is necessary to define two notions: pragmatic dimension and functional determination. Pragmatic dimension reflects its denotative content related to different life spheres through style, genre and register. Identifying functional determination of source text and its correct reconstruction in translated text is of vital importance as linguistic research shows the direct connection between functional determination and lexica-grammatical organization of text.

Genres are conventionalized forms of texts which reflect the functions and goals involved in particular social occasions as well as the purposes of the participants in them. From the socio-semiotic point of view, this particular use of language is best viewed in terms of norms which are internationalized as part of the ability to communicate. Genre and generic membership play an important role in the process of transfer between semiotic systems. Martin points out that the conven-